

ISSN 1993-3495 online

СОВРЕМЕННОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
СУЧАСНЕ ПРОМИСЛОВЕ ТА ЦИВІЛЬНЕ БУДІВНИЦТВО
MODERN INDUSTRIAL AND CIVIL CONSTRUCTION

2021, ТОМ 17, НОМЕР 3, 135–145

УДК 72.033

ПАРАДИГМА ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДОИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА

О. В. Воличенко¹, Б. С. Кариев²

ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина»,

44, ул. Киевская, г. Бишкек, Кыргызская Республика, 720000.

E-mail: ¹ wolitschenko@mail.ru, ² karievb@gmail.com

Получена 27 августа 2021; принята 10 сентября 2021.

Аннотация. Доисламский период (V–VIII вв.) в Центральной Азии в отличие от Европы характеризовался градостроительным «бумом». Торговые города стремительно возникали, росли и развивались на трассах международной караванной торговли и в местах добычи полезных ископаемых. Великий Шелковый путь стимулировал появление новых городов, связывал и устанавливал политические, торговые и культурные взаимоотношения между странами. Исследованием определяется характер градостроительства в доисламский период в Центральной Азии и отмечается преемственность традиций античности в раннем средневековье. Дается характеристика и определение основных структурных частей города, а также сформулированы основные предпосылки и причины появления городов в рассматриваемый период. Выявляются общие и отличительные особенности планировки, характеризующие города с преобладанием кочевой или земледельческой культуры.

Ключевые слова: градостроительство, раннее средневековье, цитадель, город-шахристан, рабад, рабат – караван-сарай, кёшк – феодальный замок.

ПАРАДИГМА МІСТОБУДІВНИЦТВА ЦЕНТРАЛЬНОЇ АЗІЇ ДОІСЛАМСЬКОГО ПЕРІОДУ

О. В. Воличенко¹, Б. С. Карієв²

ДООУ ВПО «Киргизько-Російський Слов'янський університет ім. Б. М. Ельцина»,

44, вул. Київська, м. Бішкек, Киргизька Республіка, 720000.

E-mail: ¹ wolitschenko@mail.ru, ² karievb@gmail.com

Отримана 27 серпня 2021; прийнята 10 вересня 2021.

Анотація. Доісламський період (V–VIII ст.) в Центральній Азії на відміну від Європи характеризувався містобудівним «бумом». Торгові міста стрімко виникали, зростали і розвивалися на трасах міжнародної караванної торгівлі і в місцях видобутку корисних копалин. Великий Шовковий шлях стимулював появу нових міст, пов'язував і встановлював політичні, торговельні та культурні взаємини між країнами. Дослідженням визначається характер містобудування в доісламський період в Центральній Азії і відзначається спадкоємність традицій античності в ранньому середньовіччі. Дається характеристика та визначення основних структурних частин міста, а також сформульовані основні передумови та причини появи міст у розглянутий період. Виявляються спільні та відмінні риси планування, що характеризують міста з переважанням кочової або землеробської культури.

Ключові слова: містобудування, раннє середньовіччя, цитадель, місто-шахрістан, рабад, рабат – караван-сарай, кошк – феодальний замок.

THE PARADIGM OF URBAN PLANNING IN CENTRAL ASIA OF THE PRE-ISLAMIC PERIOD

Olga Volichenko¹, Beisen Kariev²

*B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University,
44, St. Kievskaya, Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000.*

E-mail: ¹ wolitschenko@mail.ru, ² karievb@gmail.com

Received 27 August 2021; accepted 10 September 2021.

Abstract. The pre-Islamic period (V–VIII centuries) in Central Asia, unlike Europe, was characterized by an urban planning «boom». Trading cities were rapidly emerging, growing and developing on the routes of international caravan trade and in places of mining. The Great Silk Road stimulated the emergence of new cities, connected and established political, trade and cultural relations between countries. The study determines the nature of urban planning in the pre-Islamic period in Central Asia and notes the continuity of the traditions of antiquity in the early Middle Ages. The characteristics and definition of the main structural parts of the city are given, as well as the main prerequisites and reasons for the emergence of cities in the period under consideration are formulated. The general and distinctive features of the planning that characterize cities with a predominance of nomadic or agricultural culture are revealed.

Keywords: urban planning, early Middle Ages, citadel, Shahristan city, Rabad, Rabat – caravanserai, Koshk – feudal castle.

Основная проблема исследования

Существовавший европоцентричный подход к рассмотрению проблемы существования и развития градостроительной культуры в период раннего средневековья (V–VIII вв.) на территории Центральной Азии требует коренного пересмотра в настоящее время. Уже не вызывает сомнения тот факт, что невозможно накладывать матрицу проблем, вызвавших упадок, деградацию и дезурбанизацию градостроительства, происходивших в Европейской части, на другие регионы континента. Специфичной особенностью развития градостроительства в Центральной Азии является тесное сосуществование оседлой и кочевой культуры, их постоянный взаимообмен и новые симбиотические отношения, появившиеся в результате непрерывных интеграционных процессов.

Теоретические и научно-практические исследования

Сведения о существовании городов раннего средневековья в Центральной Азии, об их географическом размещении, образе жизни населения и

их занятиях, о также художественно-эстетических качествах архитектуры как всего города, так и его отдельных зданий, и комплексов -дворцов, храмов, жилых домов, замков, оборонительных укреплениях и т. п. дает изучение записок и научных трудов китайских и арабских чиновников, путешественников, историков и географов. Подробные сообщения оставили: китайский монах-путешественник, ученый и философ Сюаньцзан (602–664), китайские чиновники Гао Сюаньчжи (700–765), Ду Ю (735–812), Цзя Дань (730–805), персидский географ ибн Хордадбек (820–912), арабский чиновник Кудама ибн Джафар (873–945), арабский географ Абу Исхак аль-Истахри (850–957) и др. Начиная с XIX в. и до 20-х годов XX в. было начато изучение стран Центральной Азии русскими учеными. В это время осуществлялась преимущественно регистрация (фиксация), картографирование и описание отдельных историко-архитектурных объектов. Ценные сведения дают научные работы В. В. Бартольда, А. Голубева, П. П. Иванова, Ч. Валиханова, В. В. Радлова, В. Тизенгаузена, А. Куна, Б. А. Дорна, В. Жуковского, В. В. Григорьева и др. Археологические исследования и раскопки

начали планомерно проводить с 30-х годов научными экспедициями А. Н. Бернштама, И. Л. Кызласова, Ю. А. Заднепровского, П. Н. Кожемяко, С. М. Абрамзона, М. Е. Массона, С. П. Толстова, Б. Н. Засыпкина, Б. И. Маршака, А. Ю. Якубовского, Б. А. Литвинского, В. Д. Горячевой и др. В изучение истории средневековых городов, сельских поселений крепостей существенный вклад внесли Б. Г. Гафуров, М. С. Андреев, А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, В. Л. Воронина, Б. П. Деннике, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Б. Я. Ставиский, А. М. Прибыткова, М. К. Соловьев, В. Н. Карцев, В. А. Лавров, В. И. Пилявский, В. А. Нильсен, С. Г. Хмельницкий, Р. С. Мукимов, С. М. Мамаджанова, В. Г. Веселовский, Д. Д. Омуралиев, Р. М. Муксинов, В. О. Воличенко, Б. А. Глаудинов, Д. Д. Иманкулов и др.

Цель исследования

Выявить и обрисовать общие черты и характерные различия между городами исконно оседлых территорий Центральной Азии и городами кочевников.

Изложение основного материала

Архитектура обширного региона Центральной Азии, с глубокой древности включающая в себя различные страны, социальные уклады, культуру кочевых и земледельческих народов, тем не менее сумела выработать единую стилевую направленность, которая проявляется в типологии городов, в строительных материалах и конструкциях, архитектурных образах и художественно-композиционном языке. Преемственность и взаимообогащение традиций является характерной чертой развития архитектуры и искусства Центральной Азии в древний и средневековый период. «Приоритетные возможности традиционной архитектуры основываются на использовании принципов повторяемости архитектурно-планировочных решений различных по функциональному назначению типов зданий и сооружений на уровне: города, региона, государства» [1, с. 187].

Занимаясь изучением истории Центральной Азии V–VIII вв. н. э., когда на руинах центральноазиатской античности появляются первые ростки раннесредневековой культуры, трудно удержаться от соблазна сопоставить их с теми транс-

формациями, которые происходили в этот период в европейской культуре. Бросается в глаза аналогия если не политических событий, то культурных процессов. В Центральной Азии переход от античности к средневековью происходит достаточно плавно, без тех крупных потрясений, которые сопровождали процесс распада высоко урбанизированной Римской империи. В результате, как справедливо отмечает профессор Р. С. Мукимов, «традиции древности служили основой для развития культуры последующих веков и в особенности архитектурно-художественных традиций» [2, с. 161]. Гибель древних государств Центральной Азии никак не сказалась на преемственности культурных традиций, сложившихся в регионе и получивших дальнейшее развитие в новой исторической формации. Они органично влились в ментальность центральноазиатского региона раннего средневековья «как образец, как питательная среда, на почве которой поднялись ростки нового искусства, отвечавшего содержанию жизни феодального общества» [2, с. 162]. Известный исследователь Центральной Азии С. Г. Хмельницкий обращает внимание на то, что «если кризис западной античности в ее римском варианте повлек за собой падение Западной Римской империи и, в конечном счете, гибель всей античной культуры, которую сменила культура христианского средневековья, то на Востоке дело обстояло иначе. Здесь переход к средневековью не сопровождался тотальными социально-политическими катастрофами, а в области искусства не привел к разрыву традиций, к огрублению и некоторому одичанию художественного языка, как это случилось на Западе» [3, с. 9]. В Европе переход от античности к средневековью сопровождался резкой сменой общественной идеологии и содержания духовной культуры, заменой чувственной телесности языческой античности на аскетичную мораль христианства, с ее враждебным отношением к материальному миру.

В Центральной Азии в период раннего средневековья поддерживались и крепились международные, экономические и культурные связи с Византией, Персией, Индией, Китаем. На путях следования торговых караванов возникали новые города – транзитные центры торговли, в которых развивались и совершенствовались различные искусства и ремесла, процветало толерантное отношение к различным религиозным

конфессиям – возводились буддийские и христианские храмы, храмы манихейства и зороастризма, языческие алтари.

Город доисламского времени – это защищенное стенами поселение с цитаделью, в которой расположен замок местного правителя и его административно-военный аппарат, жилые дома-массивы ремесленников и торговцев, с постоянным базаром и возможными (но необязательными) зданиями общественного и культового назначения. Размеры города не были определяющими и колебались от 13–14 га (Пенджикент, Пайкенд) до более чем 200 га (Невакет (Красная Речка) – 72 га, Суяб (Ак-Бешим) – 110 га, Самарканд – 210 га, Мерв – 270 га); соответственным было и количество горожан (Невакет – 15 тыс., Суяб – 22 тыс., Самарканд – 30 тыс., Мерв – 80 тыс.) [4, с. 306]. Некоторые горожане кроме их главной деятельности занимались сельским хозяйством, об этом свидетельствуют подчас многочисленные сельские дома в городских окрестностях.

В XX веке в исторической науке господствовало представление (впервые сформулированное и аргументированное советским историком и археологом С. П. Толстовым) «о кризисе среднеазиатской городской культуры в период раннего средневековья» [5, с. 229], повлекшим за собой сокращение числа городов, уменьшение

их размеров и переход общественной жизни из бывших городских центров в укрепленные замки нового феодального сословия – аристократов-землевладельцев (дихканов), или в более скромные, но тоже укрепленные большесемейные сельские жилища. В настоящее время это утверждение давно уже оспаривается многими исследователями, которые полагают, что в Центральной Азии в V–VII вв. количество городских центров не только не сокращалось, но, наоборот, именно в этот период активно возникали новые города. Новые города возводились в местах добычи и разработки месторождений руд и драгоценных металлов (Шельджи, Сус, Текабкети др.) или на торговых трассах Великого Шелкового пути (Пенджикент, Пайкенд, Суяб, Невакет, Кулан, Джуль, Сарыг, Бунджикат и др.) (рис. 1).

Однако не стоит забывать, что земли Центральной Азии в V–VIII вв. были раздроблены на небольшие государства, которые в свою очередь делились на еще более мелкие владения аристократов-дихкан (рыцарей), находящихся в вассальной зависимости от правителя (сюзерена). Необходимость удержать и защитить свои владения обусловила появление огромного количества по всей Центральной Азии монументальных дихканских замков-кешков и укрепленных сельских усадеб (рис. 2).

Рисунок 1. Суяб (городище Красная Речка, Кыргызстан). Развитие городской структуры, состоящей из двух шахристанов и двух цитаделей.

Рисунок 2. Мерв. Замок-кёшк, реконструкция. Большая Кыз-кала, VI в.

В этих условиях города тоже были прежде всего административными центрами многочисленных небольших владений и резиденцией правителя. В них была сосредоточена власть и управление – дворец правителя, административный аппарат и вооруженные отряды-дружины из молодых дихкан, чьи замки-усадыбы составляли главный объект монументального строительства за пределами города, а иногда и в нем самом. «Аристократическое дихканство представляло собой, видимо, высший слой городского населения, хотя их богатые дома не образовывали обособленных кварталов и соседствовали с лавками, мастерскими и жилищами менее престижного типа. Второе городское сословие состояло из купцов и владельцев ремесленных мастерских. Социальная структура среднеазиатского города V–VII вв., известная по немногим образцам, не подтверждает имущественную дифференциацию в расположении городских жилищ» [3, с. 10].

Совокупность многообразных средств, приемов и ценностей, способствующих возникновению, формированию и переустройству городов в определенном времени (эпохе) и пространстве (стране) составляет сущность **градо-строительной культуры**. Авторы согласны с утверждением ученых из Таджикистана, что «архитектура» города уже в древности воспринималась как жизненная среда человека. Поэтому «градо-строитель» осуществлял системный подход к пониманию многогранности архитектуры со всеми ее внутренними закономерностями. Системный подход был в первую очередь в решении взаимо-

связи естественной природной среды с объектами архитектурного творчества, в данном случае с городскими поселениями. Эту взаимосвязь можно рассматривать как гармоничное единство в очеловеченной (синтетической) природной среде» [6, с. 257]. Наиболее известная гипотеза происхождения раннесредневекового города Центральной Азии утверждает, что город развивался из небольших торгово-ремесленных поселений, которые размещались у подножия укрепленных замков, под защитой их высоких стен. Постепенно поселение разрасталось и окружалось стенами, превращаясь в ядро будущего города – «шахристан». Эта гипотеза получила признание, хотя далеко не всегда совпадает с материалами реальных исследований и не исчерпывает разнообразные причины возникновения городов в доисламское время.

Рассмотрим **градо-строительную концепцию**, формирующую систему представлений и положений о тех или иных сторонах возникновения, функционирования или развития городов Центральной Азии раннего средневековья, отражающую их структурные особенности и элементы. Модель города Центральной Азии раннего средневековья (V–VIII вв.) – «функциональный город или город прямого назначения, его появление было обусловлено зарождением феодального строя и экономическим укладом. Города этого времени, возникшие на основе эмпирического опыта, были похожи друг на друга и отличались только своим месторасположением, конфигурацией, ресурсами и т. п.» [7, с. 90].

Городская структура. Планировочно-функциональная структура городов раннего средневековья включает в себя следующие элементы: 1) укрепленная цитадель, 2) правильной формы с регулярной застройкой шахристан, 3) рабад – торгово-ремесленное предместье. Трехчастная структура средневекового города, впервые предложенная В. Бартольдом [8, с. 173–174], в ее различных модификациях и с различными отклонениями от нее (например, отсутствие цитадели – Баласагун, Кашгар и др.; несколько шахристанов – три в Узгене, два в Суябе и Канка-Харашкенте и др.) все же остается самой распространенной моделью городов Центральной Азии.

1) **Цитадель (арк, кала, диз, кухен-диз).** Древнейшей частью раннесредневекового города была цитадель, представлявшая собой либо трансформированную цитадель античного времени, либо разросшийся и превращенный в укрепленный дворцовый комплекс одиночный замок-кёшк. Цитадель располагалась всегда на холме или на искусственной платформе, ее мощные стены с угловыми башнями всегда возвышались над прочей застройкой и формируя городской силуэт. Чаще всего цитадель имела угловое размещение, реже – в центре шахристана (рис. 3).

2) **Шахристан (медина).** У подножия цитадели, по одну сторону от её высокой, увенчанной

стенами платформы (реже – вокруг нее) при благоприятных условиях, возникал город-шахристан. Как свидетельствуют археологические изыскания, строительство шахристана осуществлялось в соответствии с заранее продуманным планом регулярной планировки. Первоначально разбивалась сетка кварталов, прорезанных улицами и окруженных стенами; на отведенных им участках возводились крупные общественные и сакральные здания, выкапывались водоемы-хаузы. Сами же жилые кварталы застраивались постепенно, по мере роста населения в соответствии с задуманной планировкой. Со временем в шахристан из цитадели переносились правительственно-административные учреждения, включая сами дворцы, и переполненный, стиснутый стенами шахристан «выплескивался» за их пределы застройкой рабадов, которые в свою очередь окружались кольцом укреплений, становясь тем самым законченной частью города. Строительство регулярных городов в Центральной Азии, возводимых по предварительному проекту-плану, имело давние, еще доантичные традиции, причём не было ограничено только эпохой античности, оно было достаточно распространено на протяжении многих веков, вплоть до XV века.

Очертания планов городов были связаны с рельефом местности (рис. 4). «Идеальный план

Рисунок 3. Цитадель в Герате (Афгани).

в виде прямоугольника с четырьмя воротами по осям и пересекающимися в центре главными улицами был возможен лишь на равнине при условии единовременно осуществляемой разбивки. Там, где местность предоставляла какие-либо возможности для обороны, их умело использовали, располагая города на берегу рек, на мысу, у обрыва плато и т. д. При этом сокращался периметр оборонительных стен. Число ворот старались уменьшать и редко города имели более четырех ворот, а в малых городах был один въезд» [9, с. 185]. Город-шахристан формировался прежде всего как ремесленное предместье укрепленного замка-цитадели правителя и являлся центром притяжения для целого района. «Эта связь с окружающим сельскохозяйственным районом отражалась в крестообразном начертании двух главных улиц, ведущих от четырех крепостных ворот к центру города, соединяя город-шахристан со всеми частями городской округи, и лишь естественные препятствия или незначительные размеры самого шахристана уменьшали количество улиц» [10, с. 61–62]. Улица воспринималась, как единое непрерывное русло движения, соединяющее два противоположных конца города.

3) **Рабад** – торгово-ремесленное предместье. Характерной особенностью рабада был базар – место торговли ремесленников, кочевников, земледельцев и иногородних купцов. Связь города с окрестными сельскохозяйственными районами подчеркивалась начертанием улиц рабада. От центрального узла – базара – они радиусами расходятся к городским воротам. Число ворот увеличивается. В рабадах Самарканда и Термеза их было шесть, в Бухаре – одиннадцать, в

Ташкенте – тринадцать. Загородные дороги являлись непосредственным продолжением городских улиц. За пределами внешних стен город окружало множество замков-кёшков, «они обычно возводились вдоль рек и магистральных каналов, по сторонам больших дорог, которые, подходя к воротам города, превращались в его главные улицы. Замки, в свою очередь, окружали усадьбы земледельцев, меньшие по размерам, но по возможности тоже укрепленные» [10, с. 90].

Раскопки раннесредневековых городов, по нашему мнению говорят о преемственности и развитии античных традиций планировочных и композиционных принципов застройки на территории Центральной Азии. Об этом свидетельствуют правильные очертания и регулярная планировка городов, возникших в период V–VII вв. на территории нынешних государств: Кыргызстана (городище Красная Речка, Новопавлавское, Барскоон и многие др.), Казахстана (Отрар, Испиджаб и т. д.), Таджикистана (городище Кафыркала, Эски-Хавас, Шахристан и т. д.) (рис. 5).

Особенности городов nomadov и Мавераннахра. В раннем средневековье города охватывали и защищали так называемые «длинные» стены. Иногда такой стеной правитель стремился окружить целый оазис, оберегая его и от враждебных соседей, и от набегов кочевников. В обширных пригородах (рустак) городов Мавераннахра за «длинными» стенами располагались многочисленные сельские поселения, поля и сады. Протяженность укреплений – «длинных» стен достигала, например, в Самарканде более 11 км, защищая сельскохозяйственное предместье площадью около 400 га, Бухарский оазис с

а)

б)

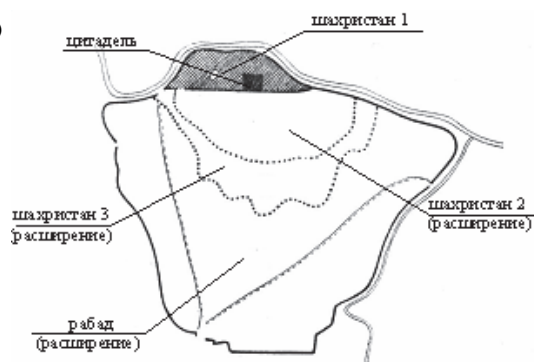

Рисунок 4. Афросиаб (Самарканд) V–VIII вв.: а) реконструкция шахристана I; б) план-схема развития Самарканда.

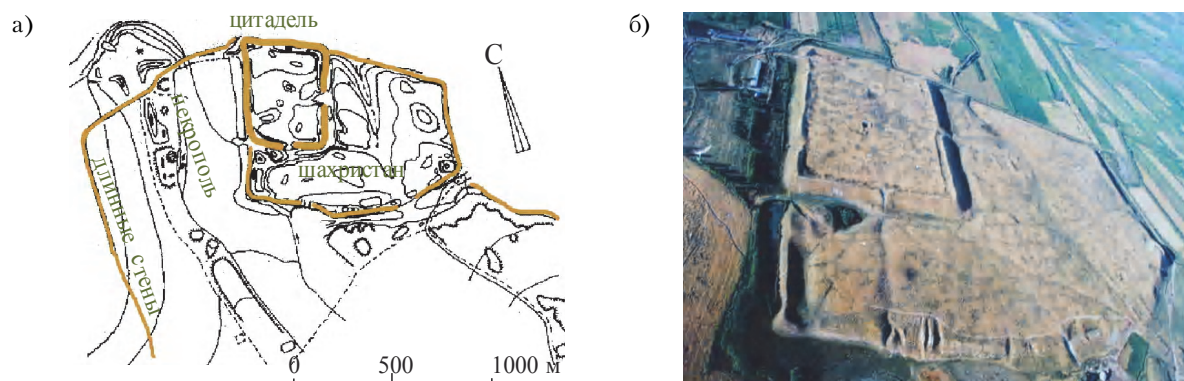

Рисунок 5. Невакет (городище Красная Речка): а) план городища по К. М. Байпакову; б) аэрофотосъемка.

юга и юго-востока защищали укрепления длиной более 150 км, стены вокруг Термеза охватывали территорию около 500 га, а вокруг Мервского оазиса огромную площадь около 25 000 га. Строительство и поддержание таких колоссально протяженных и высоких (5–7 м) укреплений, сложенных из блоков пахсы и сырцового кирпича, требовало огромных затрат средств и рабочей силы. Длинные стены были наглядным результатом феодальной раздробленности, постоянных междоусобиц и грабительских набегов кочевников, свойственных этой эпохе и во многом определивших характер ее архитектуры.

Опираясь на археологические исследования последних лет, профессор архитектуры Д. Д. Иманкулов пишет: «утверждение некоторых авторов, что планировочная структура городов кочевников не отличается от структуры городов Мавераннахра, не могут быть приняты» [4, с. 297]. Города Семиречья (например, только в Чуйской долине их было более 20, в Таласской – 13, Иссык-Кульской – 8), располагались на границе с кочевой степью. Эти торгово-ремесленные форпосты постоянно осуществляли взаимовыгодный обмен с населением, которое продолжало вести кочевой образ жизни. В настоящее время признана несостоятельность предположения о доминирующей роли согдийских переселенцев в процессе создания и формирования городов Семиречья и Южного Казахстана. Известный историк и археолог К. М. Байпаков, рассуждая о генезисе городов региона, говорит: «нам кажется недостаток материалов сказался на преувеличении роли согдийской колонизации в развитии городской культуры области» [11, с. 10].

Города в тюркских государствах (конфедерации кочевых племен) основывали и застраивали правители-каганы, в соответствии с административно-политическим, социально-экономическим и культурно-идеологическим образом жизни кочевников (К. М. Байпаков [11, с. 12], Д. Д. Иманкулов [4, с. 298], А. Н. Бернштам [12], А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков [13, с. 222] и др.). Существование двух слоев населения – тюрков кочевников и тюрков земледельцев, ремесленников – оказало влияние и на планировочно-функциональную структуру города. Во-первых, специфика городов кочевников заключалась в количестве рабадов – торгово-ремесленного предместья, окружавших шахристан и их значительных размерах – в несколько раз превосходивших города Мавераннахра. Например, города Чуйской долины окружало кольцо из нескольких рядов «длинных» стен (двойных, иногда тройных), которые в совокупности охватывали колоссальные по размерам территории (Ак-Тобе – 33 кв. км, Невакет – 21 кв. км, Суяб – 13 кв. км и др.) (рис. 6).

Плотность застройки рабадов и в первом и во втором кольце длинных стен была достаточно высокая – здесь размещались базары, городские дома, поля, сады, замки-кёшки, а также ставки кочевников, культовые постройки – храмы, монастыри, некрополи и т. п. «Застройка городов была одноэтажная и частично двухэтажная. Жилые дома на территории рабадов строились в основном двухэтажными и отдельно стоящими» [14, с. 42]. Однако, несомненно, что чем ближе к центру – городу-шахристану, тем плотнее и богаче была застройка. Во-вторых, более крупные города долины, достаточно тесно окружались

Рисунок 6. Крепостные стены Отрара (Южный Казахстан).

средними и более мелкими поселениями – спутниками, которые располагались практически вплотную друг к другу. «Отсутствие единой государственной религии в доисламский период способствовало развитию многообразия культовых сооружений в городах тюрков, где на равных правах сосуществовало множество верований: зороастризм и буддизм, манихейство и несторианское христианство, культ природы, земли, воды, неба и солнца – тенгрианство, а также культы предков и умерших, анимизм, тотемизм, фетишизм, шаманизм и др.» [15, с. 160].

Археологические исследования говорят о достаточно высоком благоустройстве городов раннего средневековья – мощеные булыжником или посыпанные мелкой галькой улицы и площади, причем на улицах существовало разделение пространства на проезжую часть и пешеходную; дворы жилых домов, так же, как и пол внутри дома облицовывались жжёным кирпичом. Бассейны-хаусы с запасами питьевой воды тоже выкладывались жжёным кирпичом. Вода в город также поступала по «водопроводам», изготовленным из керамических труб – «кубуров», которые были проложены от водозаборных сооружений рек, на берегу которых располагались города. От главного водовода водопроводная сеть кубуров меньшего диаметра разветвлялась по жилой застройке. Канализационные стоки от жилых домов и бань, проложенные в соответствии с есте-

ственным уклоном и рельефом местности, отводились в сточные колодцы.

Заключение

Исследование градостроительного искусства Центральной Азии в период раннего средневековья – V–VII вв. показало преемственность архитектурных традиций древности на новом историческом этапе, что позволило сохранить лучшие достижения продолжать их совершенствовать и развивать. Средневековые города имели мощные фортификационные укрепления, необходимые для обеспечения защиты и безопасности в раздробленных феодальных владениях. Сомаштабные человеку городские пространства формировались плотной невысокой застройкой с внутренними дворами, соединённых узкими улочками. Города кочевников имели традиционный состав: размещающуюся на возвышенности цитадель – административно-политический центр; шахристан – основная часть города с регулярной застройкой, вмещавшей жилые дома, государственные учреждения, базары, здания храмов; рабад – торгово-ремесленное предместье с базарами, садами, укрепленными домами и замками. Планировочное своеобразие заключалось в том, что почти у всех городов было несколько рабадов, находящихся за кольцом укреплений – «длинных» стен.

Литература

1. Радионов, Т. В. Концептуальные положения устойчивого развития архитектуры зданий и сооружений при реконструкции в городах Донбасса / Т. В. Радионов. – Текст : электронный // Современное промышленное и гражданское строительство. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 185–191. – URL: http://donnasa.ru/publish_house/journals/spgs/2018-4/02_radionov.pdf (дата публикации: 20.06.2018).
2. Мукимов, Р. С. История и теория таджикского зодчества / Р. С. Мукимов. – Душанбе : ТТУ-Мерос, 2002. – 466 с. – Текст : непосредственный.
3. Хмельницкий, С. Между Кушанами и арабами V–VIII вв. / С. Хмельницкий. – Берлин-Рига : Самалш, 2000. – 294 с. – Текст : непосредственный.
4. Иманкулов, Д. Архитектура Туркестана эпохи Караханидов (историко-теоретическое исследование) / Д. Иманкулов, К. Конокбаев. – Анкара : [Б. и.], 2014. – 347 с. – Текст : непосредственный.
5. Толстов, С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта / С. П. Толстов. – Москва : Рипол Классик, 2013. – 348 с. – ISBN978-5-458405-04-1. – Текст : непосредственный.
6. Мукимов, Р. С. Толерантность в архитектуре и памятниках культурного наследия / Р. С. Мукимов, С. Р. Мукимова. – Текст : электронный // Политехнический вестник. – Выпуск 2019-1(45). Серия: Инженерные исследования. – С. 273–277. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41214224> (дата обращения: 20.07.2021).
7. Воличенко, О. В. Архитектурно-художественные достижения караханидской эпохи / О. В. Воличенко. – Текст : электронный // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 89–94. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35017324> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Бартольд, В. В. Сочинения. В 8 томах / В. В. Бартольд. – Москва : Наука, 1966. – Т. 4. – 497 с. – Текст : непосредственный.
9. Воронина, В. Л. Архитектура Средней Азии VI–VIII вв.: всеобщая история архитектуры. В 12 томах / В. Л. Воронина ; отв. ред. Ю. С. Яралов. – Москва : Стройиздат, 1969. – Т. 8. – 491 с. – Текст : непосредственный.
10. Лавров, В. А. Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века) / В. А. Лавров. – Москва : Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. – 178 с. – Текст : непосредственный.
11. Байпаков, К. М. Средневековая городская культура городов Южного Казахстана и Семиречья / К. М. Байпаков. – Алма-Ата : Наука, 1986. – 255 с. – Текст : непосредственный.
12. Бернштам, А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2 томах / А. Н. Бернштам – Бишкек : Айбек, 1998. – Т. 2. – 617 с. – Текст : непосредственный.

Reference

1. Radionov, T. V. Conceptual provisions for the sustainable development of architecture of buildings and structures during reconstruction in the cities of Donbas. – Text : electronic. – In: *Modern industrial and civil construction*. – 2018. – Volume 14, № 2. – P. 185–191. – URL: http://donnasa.ru/publish_house/journals/spgs/2018-4/02_radionov.pdf (date of publication: 20.06.2018). (in Russian)
2. Mukimov, R. S. History and theory of Tajik architecture. – Dushanbe : TTU-Meros, 2002. – 466 p. – Text : direct. (in Russian)
3. Khmel'nitsky, S. Between the Kushans and the Arabs of the V–VIII centuries. – Berlin-Riga : Samalsh, 2000. – 294 p. – Text : direct. (in Russian)
4. Imankulov, D.; Konokbayev, K. The architecture of Turkestan in the era of the Karakhanids (historical and theoretical research). – Ankara : [S. n.], 2014. – 347 p. – Text : direct. (in Russian)
5. Tolstov, S. P. Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes. – Moscow : Ripol Klassik, 2013. – 348 p. – ISBN978-5-458405-04-1. – Text : direct. (in Russian)
6. Mukimov, R. S.; Mukimova, S. R. Tolerance in architecture and cultural heritage monuments. – Text : electronic. – In: *Polytechnic Bulletin*. – Issue 2019-1(45). Series: Engineering Research. – P. 273–277. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41214224> (accessed: 20.07.2021). (in Russian)
7. Volichenko, O. V. Architectural and artistic achievements of the Karakhanid era. – Text : electronic. – In: *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. – 2018. – Volume 18, № 4. – P. 89–94. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35017324> (accessed: 15.06.2021). (in Russian)
8. Bartold, V. V. Compositions. In 8 volumes. – Moscow : Science, 1966. – Volume 4. – 497 p. – Text : direct. (in Russian)
9. Voronina, V. L. ; executive editor Yarov, Yu. S. Architecture of Central Asia VI–VIII centuries: general history of architecture. In 12 volumes. – Moscow : Stroyizdat, 1969. – Volume 8. – 491 p. – Text : direct. (in Russian)
10. Lavrov, V. A. Urban culture of Central Asia (from ancient times to the second half of the 19th century). – Moscow : State Publishing House of Architecture and Urban Planning, 1950. – 178 p. – Text : direct. (in Russian)
11. Baypakov, K. M. Medieval urban culture of the cities of South Kazakhstan and Semirechye. – Alma-Ata : Science, 1986. – 255 p. – Text : direct. (in Russian)
12. Bernshtam, A. N. Selected Works on Archeology and History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. In 2 volumes. – Bishkek : Aybek, 1998. – Volume 2. – 617 p. – Text : direct. (in Russian)
13. Belenitsky, A. M.; Bentovich, I. B.; Bolshakov, O. G. Medieval city of Central Asia. – Leningrad : Science, 1973. – 390 p. – ISBN978-5-458448-18-5. – Text : direct. (in Russian)

13. Беленицкий, А. М. Средневековый город Средней Азии / А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. – Ленинград : Наука, 1973. – 390 с. – ISBN 978-5-458448-18-5. – Текст : непосредственный.
14. Нарбаев, К. Раннесредневековая модель города / К. Нарбаев. – Текст : электронный // Известия вузов. – 2013. – № 5. – С. 39–43. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25112531> (дата обращения: 15.07.2021).
15. Воличенко, О. В. Ценностный потенциал культурно-религиозных традиций Кыргызстана / О. В. Воличенко, З. Р. Муksiнова. – Текст : непосредственный // Тюрко-монгольский мир большого Алтая: историко-культурное наследие и современность : материалы первого алтаистического форума, 12–14 сентября 2019. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета. – С. 160–163. – ISBN: 978-5-7904-2388-8.
14. Narbayev, K. Early medieval model of the city. – Text : electronic. – In: *Proceedings of universities*. – 2013. – № 5. – P. 39–43. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25112531> (accessed: 15.07.2021). (in Russian)
15. Volichenko, O. V.; Muksinova, Z. R. The value potential of the cultural and religious traditions of Kyrgyzstan. – Text : direct. – In: *Turkic-Mongolian world of the Greater Altai: historical and cultural heritage and modernity : materials of the first Altaistic forum*. – Barnaul : Altai State University Publishing House. – P. 160–163. – ISBN: 978-5-7904-2388-8. (in Russian)

Воличенко Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой дизайна и реставрации архитектурного наследия ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина». Научные интересы: авангардная архитектура XXI в., историко-архитектурные памятники Центральной Азии, градостроительное искусство Центральной Азии, генезис, эволюция и типология Центральной Азии, принципы развития эко-архитектуры в Центральной Азии, приемы формирования общественных центров города на принципах устойчивой архитектуры.

Кариев Бейсен Сергеевич – доцент кафедры дизайна и реставрации архитектурного наследия ГОУ ВПО «Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина». Научные интересы: история архитектуры, эволюция малоэтажной застройки, анализ взаимовлияния русской архитектуры на формирование малоэтажной застройки, дизайн городской среды, ландшафтная архитектура и дизайн.

Воличенко Ольга Володимирівна – доктор архітектури, професор, завідувач кафедри дизайну та реставрації архітектурної спадщини ДООУ ВПО «Киргизько-Російський Слов'янський університет ім. Б. М. Єльцина». Наукові інтереси: авангардна архітектура XXI ст., історико-архітектурні пам'ятники Центральної Азії, містобудівне мистецтво Центральної Азії, генезис, еволюція та типологія Центральної Азії, принципи розвитку еко-архитектури в Центральній Азії, прийоми формування громадських центрів міста на принципах стійкої архітектури.

Карієв Бейсен Сергійович – доцент кафедри дизайну та реставрації архітектурної спадщини ДООУ ВПО «Киргизько-Російський Слов'янський університет ім. Б. М. Єльцина». Наукові інтереси: історія архітектури, еволюція малоповерхової забудови, аналіз взаємовпливу російської архітектури на формування малоповерхової забудови, дизайн міського середовища, ландшафтна архітектура і дизайн.

Volichenko Olga – D. Sc. (Architecture), Professor, the Head of the Design and Restoration of the Architectural Heritage Department, B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University. Scientific interests: avant-garde architecture of the XXI century, historical and architectural monuments of Central Asia, urban art of Central Asia, genesis, evolution and typology of Central Asia, principles of development of eco-architecture in Central Asia, methods of formation of public centers of the city on the principles of sustainable architecture.

Kariyev Beisen – Associate Professor, Design and Restoration of the Architectural Heritage Department, B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University. Scientific interests: history of architecture, evolution of low-rise buildings, analysis of the mutual influence of Russian architecture on the formation of low-rise settings, urban environment design, landscape architecture and design.